

ВОТ ПОЧЕМУ ДЕ ГОЛЛЬ СТАЛ «РЕСПУБЛИКАНЦЕМ»...

Жан Оберле¹ рассказывает: «Когда я спрашивал моих друзей из оппозиции, что заставляет их опасаться буланжистского деголлизма, они мне отвечали, что генерал де Голль уже не генерал, а политический деятель, а военные и гражданские лица из его окружения — это скорее друзья трестов и монополий, чем народа. Оппозиция же состояла в большинстве из людей левого крыла».

Речь идет (что очень важно) об оппозиции *внутриполитическим планам* генерала де Голля со стороны тех французов в Лондоне во время войны, которые прибыли из Франции, чтобы сражаться с врагом.

В апреле 1944 г. генерал де Голль из главы «свободных французов» превращается в председателя временного правительства республики, а в это правительство входили радикалы, социалисты и два коммуниста.

За этим кажущимся «примирением» с левыми скрывались определенные намерения генерала де Голля.

Каттои говорит в своей неумеренно хвалебной книге «Шарль де Голль»: «Привлекая коммунистов к участию в правительстве, председатель совета министров де Голль... рассчитывал обеспечить своему правительству возможно более широкую базу». Расширяя состав своего правительства, де Голль был вынужден равняться на

¹ Жан Оберле — бывший радиокomentатор деголлевского радио в Лондоне. С некоторого времени находится в оппозиции к де Голлю. (Прим. ред.)

движение сопротивления¹. Не он, конечно, объединял движение сопротивления: оно сплотилось самостоятельно, на французской земле, и вопреки интригам, которые плело окружение генерала. Наоборот, движение сопротивления было той силой, которая вынудила генерала пойти на расширение состава правительства.

К тому же, как говорится в очерке «Из истории французского движения сопротивления», опубликованном Мальро², который был министром информации де Голля в течение нескольких недель. «Надо было убедить союзников в том, что все политические силы Франции, представленные французским движением сопротивления, были в какой-то мере приверженцами де Голля». В действительности же, как мы видим, тогда не было и речи о какой-либо «приверженности».

Неверно также утверждение Мальро, будто «движение сопротивления лишилось тогда своего анархического характера и приняло официальный характер»; напротив, это деголлевский лондонский комитет лишился своего анархического характера и принял, для видимости, характер республиканский. Такова была воля патриотов. И в создании видимости подчинения этой воле был крайне заинтересован в то время генерал де Голль.

Это стало очевидным, когда другой генерал — Жиро — встал на его пути, и де Голль заявил: «Наш Национальный комитет получил свою власть в результате свободного одобрения его французским народом и благодаря полномочиям, предоставленным ему политическими группировками, которые на территории Франции объединяют французские массы в движение сопротивления». Де Голль одерживает верх над Жиро только благодаря поддержке внутреннего движения сопротивления. «Организации движения сопротивления оказали влияние на алжирское решение», — признает даже архидеголловец Каттои.

¹ Наиболее крупной, массовой и активной организацией сопротивления была организация «Национальный фронт», в которой ведущую роль играли французские коммунисты (*Прим. ред.*)

² Андре Мальро — французский писатель, перешедший в лагерь реакции; член руководящего комитета деголлевской организации Р.П.Ф; ведет яркую антикоммунистическую пропаганду. (*Прим. ред.*)

Итак, генерал де Голль, для того чтобы внушить к себе доверие союзников и преодолеть препятствие в виде соперничества Жиро, одновременно заигрывая с движением внутреннего сопротивления, вынужден был из тактических соображений принимать иногда решения, нисколько не отвечающие его истинным желаниям и намерениям.

В цитированном выше сочинении Мальро, не стесняясь, заявляет, что Национальный совет сопротивления был предназначен, в первую очередь, для «создания юридической основы власти генерала де Голля» и т. д. «и, наконец, для организации движения сопротивления». Как вам нравится это «наконец»?

Национальный совет сопротивления, созданный, по мнению деголлевцев, лишь для того, чтобы «единогласно проголосовать за признание Французского комитета национального освобождения действительным правительством Франции», однако, не ограничился этим. Он организовал сопротивление; он организовал борьбу; он подготовил возрождение республики, программу этого возрождения. «ременное правительство республики, — лицемерно заявляет де Голль в августе 1944 г., — выражает благодарность Национальному совету сопротивления, парижскому комитету освобождения, — патриотам, руководителям и вдохновителям борьбы против врага и его сообщников, народу Парижа, выигравшему битву за свободу». Но на первом же официальном приеме де Голль заставляет членов Национального совета сопротивления ожидать в течение двух часов в его приемной, пока он соизволит их принять, а 11 ноября он отказывается пригласить председателя этого совета на правительственную трибуну.

Таким образом, де Голль, как и его приказчики, постепенно, скрепя сердце, под давлением событий и из тактических соображений (не писал ли он сам, что «политический деятель немислим без изрядной дозы хитрости»?) занял позицию, значительно отличающуюся от «холодного презрения» к «толпе» автора книги «На острие шпаги». Но де Голль пошел лишь на временный компромисс с партиями. Он не примкнул к демократии.

Река Рона впадает в Женевское озеро, затем выходит из него и продолжает свой собственный путь. Генерал де Голль и его присные примкнули, вернее, казалось, что примкнули, к демократическому движению сопротивления. Затем они отошли от него и пошли своим собственным путем — направо.

В Лондоне в июне 1940 г. генерал де Голль, доставленный туда на самолете Спирсом, призывает французских военнослужащих, находящихся в Англии, объединиться вокруг него. Он создает небольшой штаб. Он долго ведет скрытую борьбу против высших офицеров французского флота лишь потому, что флотские офицеры там в большем числе, чем армейские, и он боится, что его вытеснят; отсюда его антипатия к адмиралу Мюзелье, отсюда его гнев, когда, возвратившись из Дакара, он узнает, что адмирал поставил д'Этьена д'Орва во главе 2-го бюро, а Пасси упустил этот пост (на время, конечно!). Долгое время республиканцев отстраняют, за ними шпионят, их пытаются дискредитировать, обезвредить, будь то Мюзелье, Лабарт или Пьер Кот. В то же время начальником штаба генерала назначается такой человек, как майор Антуан, занимавший высокие посты в группе Ампэна¹, с радостью приняты де Голлем генеральный секретарь П.С.Ф.² Вален и начальник школы офицерских кадров — Дюнуайе де Сегонзак³.

Де Голль стремится к укреплению и сохранению своей власти.

Поэтому «демократизация» той административной комиссии, которая превращалась последовательно в совет обороны империи, французский комитет национального освобождения, и, наконец, во временное правитель-

¹ Барон Ампэн — один из крупнейших магнатов бельгийской промышленности, а также владелец парижского метро, имел крупные инвестиции в ряде стран, в том числе во Франции. В 1935—1937 гг. финансировал фашистское «движение» Дегреля в Бельгии. Умер в 1946 г. (*Прим. ред.*)

² ПСФ — P S F — Parti Social Francais («Французская социальная партия») — фашистская «партия» делярокковского направления (*Прим. ред.*)

³ Андре Дюнуайе де Сегонзак — фашист, маскирующийся под «социалиста». (*Прим. ред.*)

ство Французской республики, представляет собой уступку требованиям масс или простую видимость.

Когда де Голль создает Французский комитет национального освобождения, адмирал Мюзелье и Дежан, ныне французский посол в Праге, предлагают ему снять Пасси с занимаемой им должности. Дважды генерал де Голль отказывается. Они предлагают также, чтобы каждое законодательное решение, принятое председателем комитета, скреплялось — по республиканской традиции — подписью заинтересованного комиссара. Однако в статье 3-й указа де Голля от 24 сентября 1941 г. говорится лишь, что решение должно быть «подписано и удостоверено одним или несколькими национальными комиссарами». То-есть достаточно одного послушного комиссара, все равно какого, чтобы желание генерала получило силу закона.

А что сказать о бессилии Консультативной ассамблеи, которая, как произвольно она ни была составлена, руководствовалась все же патриотизмом и несомненным демократическим чувством и мнением которой генерал пренебрегал? Ясно, что генерал де Голль нуждался в видимости демократии, но он не собирался подчиняться ее законам.

Во Франции агенты генерала думали не о том, как объединить и укрепить организации движения сопротивления, а о том, как прибрать их к своим рукам.

Журналист Реймон Милле, симпатии которого к генералу де Голлю не подлежат сомнению, пишет: «Б.С.Р.А. обвинялось, в частности, в использовании агентов, которые до войны были близки к кагулярам или, по крайней мере, не любили левых. Если для этого упрека имелись серьезные основания, надо, конечно, пожалеть, что это было так, ибо левые в рядах патриотов играли главную, если не решающую роль».

Мы знаем, что этот «упрек» был более чем достаточно обоснован.

В Б.С.Р.А. знали, что делали: фран-тиреры¹ не получали денег, не получали оружия. В июле 1944 г.

¹ Фран-тиреры — «вольные стрелки» — военные отряды, вводившие в организацию «Национальный фронт» и действовавшие под руководством члена ЦК КПФ Шарля Тийона. (Прим. ред.)

военный представитель Б.С.Р.А. заявил Фуше, полковнику французских внутренних вооруженных сил (Ф.Ф.И.): «Я не имею на это письменного указания, но я получил перед моим отъездом из Лондона категорическое устное приказание от Пасси ничего не давать фран-тирерам».

Значение движения сопротивления, демократического по духу, а следовательно, ненавистного де Голлю, постоянно преуменьшалось работниками Б.С.Р.А. Они пошли еще дальше, движение сопротивления тормозилось, парализовалось. В ноябре 1943 г. в Париже было всего только 400 вооруженных человек. А оружие прятали в надежном месте, прятали от тех, кто... должен был им сражаться!

Ради обуздания движения сопротивления, для «поддержания порядка», то-есть ради того, чтобы смирить демократические силы, деголлевцы чуть не дошли даже до открытого примирения с Виши (когда Френэ встретился с Пюше) и до перемирия с немцами (когда Париж вел борьбу за свое освобождение).

* * *

Если народное движение сопротивления рассматривалось деголлевским кланом более как соперник, чем как союзник, то само собой разумеется, что вооруженные силы этого движения вызывали в Лондоне и Алжире больше опасений, чем энтузиазма.

Наиболее видные руководители Ф.Ф.И., этой народной армии, готовят, как известно, издание подробных мемуаров об отношениях между французскими внутренними вооруженными силами и временным правительством. Но уже сейчас, в свете того, что было сказано о характере генерала де Голля и политике его ближайшего окружения, история этих отношений довольно ясна.

Национальный совет сопротивления не был сторонником «тактики выжидания». Его штаб, КОМАК¹, — тоже А представители алжирского правительства и лондонское радио провозглашали лозунг: «Не так быстро! Не так сильно!».

¹ КОМАК — COMAC — Commission d'Action Militaire — военный штаб Национального совета сопротивления. (Прим. ред.)

Оружие хранилось в складах в ожидании постоянно отодвигаемого «Дня Д»¹. Вместо того чтобы способствовать росту активности масс, Алжир и Лондон в своих инструкциях предлагали после высадки союзников примкнуть к организациям пассивного сопротивления — пассивного поневоле, ибо оно было безоружным!

«Б.С.Р.А., — отмечает один протокол КОМАК, — оказалось совершенно не в состоянии удовлетворить потребности французских борцов за освобождение». Областные военные делегаты, вместо того чтобы доставить в распоряжение французских внутренних вооруженных сил предназначенные для них средства, пытались использовать эти средства, чтобы захватить руководство отрядами.

Даже на поле боя деголлевский клан больше заботился о выполнении своих политических планов, чем о национальном освобождении.

Национальный военный делегат Шабан-Дельмас², тесно связанный с мошенником Пасси и с генералом де Голлем, в июне 1944 г. выступил от имени генерала Кенига против приказов КОМАК. Он утверждал, что деятельность движения сопротивления на территории Франции «ни на иоту не изменит» решений межсоюзнического командования, и подвергал сомнению эффективность деятельности Ф.Ф.И. Известно, что факты блистательно опровергли это утверждение.

Шабан-Дельмас имел в виду народное восстание, которое, как известно, в самый решительный момент борьбы значительно ускорило разгром противника. В частности, Шабан-Дельмас хотел, чтобы Ф.Ф.И. ничего не предпринимали без особого приказания генерала Кенига. Последний, самовольно игнорируя заключенные соглашения и решения руководящих органов движения сопротивления, обратился непосредственно к своим областным военным делегатам с приказом солдатам без формы... не сражаться

¹ «День Д» — условное обозначение дня начала десантных операций союзников во Франции, то-есть дня открытия второго фронта на Западе (Прим. ред.)

² Шабан-Дельмас — известный деголлевец, издатель газет «Самди-суар» и «Пари-матэн». (Прим. ред.)

Однако КОМАК сумел, выполняя приказы генерала Кенига (в той степени, в какой они были боевыми приказами), давать одновременно необходимые распоряжения для развертывания партизанской борьбы по всей стране.

Вот текст телеграммы, — сейчас она кажется просто чудовищной, — адресованной генералом Кенигом своим делегатам

«Генерал Кениг категорически приказывает учитывая невозможность обеспечить в настоящее время снабжение оружием и боеприпасами, максимально сокращайте, повторяю: максимально сокращайте активность партизан. Создавайте небольшие разрозненные группы, а не крупные отряды. Прерывайте всюду, где только возможно, соприкосновение с противником до тех пор, пока мы не будем готовы осуществить многочисленные воздушные десанты».

В огне сражений, с ростом надежд на освобождение, многие не заметили этих противоречий между провозглашенными вначале лозунгами и последующей тактикой лондонского комитета. Они не знали, что когда 8 июня лондонское радио сообщило об освобождении Тулузы, один член областного комитета освобождения заметил «Безответственные дикторы оказали бы нам гораздо большую услугу, если бы объяснили, как можно уничтожить с 345 автоматами дивизию СС». Многие не знали, что уже в январе 1944 г. Национальный совет сопротивления «выражал глубокое сожаление в связи с неудовлетворительным характером отношений между Алжиром и движением сопротивления». В то время как от Монтобана до нормандского фронта партизаны непрерывно тревожили дивизию «Дас райх» и добились ее окончательного разгрома, лондонское радио болтало о необходимости «замечать номера дислоцированных вокруг вас полков, измерять глубину рек в вашем районе.» и т. д.

Выступая 25 июля 1944 г. перед Консультативной ассамблеей в Алжире, Андре Марти разоблачил еще более вопиющие факты в Лондоне в явеськи пытались, например, заставить Вальдека Роше¹ выступить с под-

¹ Вальдек Роше — член ЦК французской компартии, депутат Национального собрания (*Прим. ред.*)

держкой «тактики выжидания», противоречащей призывам Национального совета сопротивления. Мошенник Пасси утверждал, что он, якобы, получил из Франции множество телеграмм, в которых от правительства требовали отказа от всяких действий, способных вызвать репрессии. Вальдек Роше попросил показать ему эти любопытные депеши. Разумеется, их не существовало. Но зато Вальдеку Роше с тех пор запретили выступать по лондонскому радио.

А кто сможет рассказать подробности событий в Веркоре¹ и раскрыть истинные намерения де Голля в тот момент, когда партизаны, которым грозила гибель, обратились к нему за помощью?

Кто расскажет малоизвестные подробности истории того перемирия, которое чуть было не превратило освобождение Парижа в компромиссную и предательскую комбинацию, и кто покажет роль в этом деле лидеров нынешнего Р.П.Ф.?

Кто расскажет о всех тех препятствиях на путч народного движения, которые создал де Голль из страха перед народом?

«Во всех инструкциях о восстании запрещается выступать «до особого приказа», — говорил один высший офицер о распоряжениях де Голля по поводу операций корсиканских патриотов. — Я взбешен. Я должен выступить. Было бы преступлением бросить людей, готовящих с энтузиазмом освобождение своей маленькой родины, в тот день, когда это освобождение становится возможным. За несколько дней до этого меня посетил в Алжире Дживони, один из руководителей корсиканского движения сопротивления, и я обещал ему помощь... Телеграммы сообщают о жестоких боях в Бастии и о том, что комитет освобождения господствует в Аяччо.

Ночью я посылаю де Голлю записку следующего содержания: «Я обещал поддержать этих людей, я сдержу свое слово ..» Но де Голль на это не согласен...

¹ Веркор — горное плато во Французских Альпах, где в 1944 г. образованные патриотами партизанские отряды были окружены превосходящими силами немцев. Несмотря на обращенные к де Голлю многократные отчаянные призывы о помощи, де Голль оставил партизан Веркора без поддержки. (Прим. ред.)

Диетельм, впоследствии ставший военным министром, предсказывает мне, что я буду плавать в потоках крови... Генерал де Голль упрекает меня за то, что я вбил себе это в голову... Патриоты успешно сражались в течение недели. Они замечательно руководили своими отрядами в боях против крупных немецких колонн».

Чрезвычайно характерны для «тактики выжидания», проповедуемой де Голлем, для его боязни народного движения и его надежд на установление во Франции реакционного режима, первые меры, предпринятые им в Нормандии, где через месяц после освобождения все еще не были восстановлены рабочие профсоюзы; секретарь Пюше все еще оставался субпрефектом Байе, а человек, назначенный органами гестапо руководить шербургской газетой, был оставлен генералом де Голлем на своем посту.

К счастью, французский народ сражался, не спрашивая разрешения де Голля, и ничто лучше не иллюстрирует досаду генерала, как следующий малоизвестный факт: алжирское министерство информации задержало сообщение об освобождении Парижа... до тех пор, пока танки Леклерка не вступили в город.

Каждый знает об упорной, непрерывной деятельности правительства генерала де Голля и, в частности, Диетель-ма, направленной к тому, чтобы вытеснить из французской армии части Ф.Ф.И. В настоящее время французская армия, лишенная бойцов движения сопротивления, больше походит на армию 1939 г., чем на народную армию. На этом участке генералу де Голлю и его сообщникам удалось преградить путь демократии.

Предатели из Виши пытались насмеяться над молодыми офицерами движения сопротивления, обязанными своим званием, прежде всего, доверию к ним людей, приобретенному в опасных боях. Много говорилось о каком-то «расточительстве чинов», в котором, якобы, провинились Ф. Ф. И. Хотя имелся прецедент Первая республика, генералы которой часто были ровесниками капитанов движения сопротивления. Но разве только оставшиеся безнаказанными вишисты не оценили подвиги внутренней армии сопротивления? Я вспоминаю одного областного начальника Ф. Ф. И., назначенного на

этот пост генералом Кенигом; он представился генералу де Голлю, когда тот совершал свое триумфальное турне по Франции во время войны.

— Полковник X — докладывает офицер Ф. Ф. И., шелкая каблуками.

— Нет, лейтенант X, — обрывает его глава временного правительства.

Но о чем действительно мало кому известно, так это о продвижении — поистине удивительном¹ — некоторых приближенных генерала.

Капитан Пасси стал полковником за более короткий промежуток времени, чем это необходимо для растраты 100 млн. и подделки отчетности.

Кто может сказать, каковы были в июне 1940 г. воинские звания всех тех полковников, которые были уволены в запас за участие в мошеннических проделках Пасси Манюэля, Арата и других?

Водрейль был капралом; он отправился в командировку в Гибралтар; там он сам себе произвел в капитаны

Но самым удивительным продвижением была, несомненно, карьера капитана 1-го ранга в запасе Тьерри д'Аржанлье, который, после двадцатилетнего перерыва в своей мореплавательской деятельности, был в 1939 г. мобилизован в Шербурге, присоединился к генералу де Голлю, отошел от него после так называемой «драмы» в Мерс-эль-Кебире¹, через месяц решил вновь стать деголлевцем, а в настоящее время он — адмирал с пятью звездочками, единственный главный инспектор французского военно-морского флота!

Можно было бы привести еще много других примеров.

¹ Мерс-эль-Кебир — название морской базы на французском североафриканском побережье (около Орана), где в 1940 г. после капитуляции Петэна, английский флот бомбардировал французские военные корабли из опасения, что французский флот, которым командовал Дарлан, может быть использован немцами для военных целей. Вишисты подняли по поводу «драмы Мерс-эль-Кебира» кампанию против союзников (*Прим. ред.*)